

АНДРЕЙ МЕРЗЛЯКОВ

Зубы

ИНЪЕКЦИЯ СТРАХА

Андрей Мерзляков
Зубы. Инъекция страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48820171

ISBN 9785005090966

Аннотация

История парнишки, застрявшего в городе, который охвачен неизвестной пандемией. Эта странная эпидемия превращает людей в кровожадных монстров.

Содержание

Предисловие	6
«See no evil, hear no evil, speak no evil...»	9
Глава первая	10
Коробка	10
Глава вторая	41
Калейдоскоп	41
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Зубы

Инъекция страха

Андрей Мерзляков

© Андрей Мерзляков, 2019

ISBN 978-5-0050-9096-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С людьми случается то же, что и с животными: умирают и те, и другие, и дыхание у тех и других одно, и ничем человек не лучше животных, ибо всё – пустое.

Всё уходит туда же: из пыли земной всё явилось и всё возвращается в пыль.

Я понял, что лучше тем, кто уже умер, чем тем, кто ещё жив.

Книга Экклезиаста. Ветхий Завет.

Я посадил дерево.

Я посадил дерево.

Я знаю – моё дерево не проживёт и недели.

Я знаю – моё дерево в этом городе обречено,

Но я всё своё время провожу рядом с ним,

Мне все другие дела надоели.

Мне кажется, что это мой дом.

Мне кажется, что это мой друг.

Я знаю – моё дерево, завтра, может сломает школьник.

Я знаю – моё дерево скоро оставит меня.

Но, пока оно есть, я всегда рядом с ним.

Мне с ним радостно, мне с ним больно.

Мне кажется, что это мой мир.

Мне кажется, что это мой сын.

Виктор Цой

Предисловие

Начну сразу, как говорят, с порога – книга будет про мертвецов, уважаемый читатель.

И, прежде, чем читать, хочу рассказать, зачем и почему я вдруг решил написать книгу про мир, охваченный этой странной пандемией.

Понятное дело, что бывалому читателю знакомо во вселенной зомби многое, а человеку, искущённому фильмами Ромеро и его последователей, удивить мне, возможно, покажется что уже нечем.

Кто знаком с комиксами (и сериалом по их мотивам) Роберта Киркмана «Ходячие мертвецы» – эта книга и вовсе может показаться слишком простой. Ну а со своей колокольни скажу, что я на лавры вышеупомянутых людей и не претендовал.

Моя история более проста. И скорее не такая масштабная, а мизерная, помещённая в бетонную коробку, среди бушующей волны эпидемии. История одного человека, чудом оставшегося в живых.

Я, наверное, с десяти лет мечтал написать, что-то про зомби. Когда, в те далекие времена, я играл в компьютерные игры из вселенной «Resident Evil» у меня от радости замирало сердце. Мысли об истории про мертвяков витали у меня и позднее, но, когда я начал всерьёз заниматься творчеством,

старые идеи растворились во времени, как сахар в кипятке.

В 2008 году я думал над идеей рассказа, повествующего о нашествии живых мертвецов, и даже есть один знакомый, который вспомнит, что я много об этом дискуссировал, делался своими мыслями. Но как-то не пошло тогда, не сложилось.

Сейчас, когда я сказал близким и друзьям, что следующей моей книгой станет роман про зомби, они удивлённо посмотрели на меня. Да-да.

Это же не серьёзно, писать про мертвецов, скажут все. Тема эта, как заезженная пластинка, скажите вы.

Я, конечно, никого не послушаю и попробую. Всё-таки это мечта. Так почему бы и не осуществить её прямо сейчас? А теперь о самой книге.

Данная книга содержит сцены жестокости, а также сцены насилия и кровавые подробности. Я категорически против, что бы данное произведение читали дети, и, люди, впечатлительные, как моя жена. Если была возможность вместо 18+ поставить возрастное ограничение 21+ – я бы сделал это безоговорочно.

Данное произведение – плод фантазии. Все характеры и персонажи вымышлены и читатель не должен искать сходства с реально существующими людьми.

Имена персонажей в книге, коих немного, английские. Часто слышу упрёки по этому поводу. Могу пояснить – русские

имена сюда не подходят. Английские имена на русские с лёгкостью может заменить редактор – по сути, это дело десяти минут. Но зачем? Смысл произведения от этого не изменится, да и делать я этого, в общем-то, друзья мои, и не собирался – да и напарника-редактора у меня нет (смеюсь).

Ну может теперь уже начнём?

На дворе 11 марта и моя ночная смена на работе вновь принесла плоды. На перерыве я дописал концовку и это вступление. На данной ноте я отлучаюсь и оставляю вас наедине с главным героем.

P. S. В данное печатное издание, что вы держите у себя в руках, я решил включить мой свежеиспечённый рассказ «Чертог». Почему бы и нет? С ним никто ещё не ознакомился, так что здесь ему самое место. После «Зубы» вы сможете его прочесть.

**«See no evil, hear no
evil, speak no evil...»
Monkey Shines, 1988**

Глава первая

Коробка

Спайк осмотрел комнату, где, когда-то царила жизнь. Обычная такая жизнь, переполненная хлопотами и, возможно, суетой и заурядным бытом. Сейчас же здесь царила лишь мёртвая тишина – в прямом смысле этого слова. Диван был опрокинут на спину, кресло, стоящее рядом, последовало той же участи, лежало на боку, как уставший, присевший передохнуть путник. На кофейном столике, который украсила трещина, очень похожая на паутину, стояла клетка.

Спайк сделал осторожные движения вглубь комнаты и смог разглядеть чёрный комок, с едва заметным оперением: это была мёртвая птица.

Жившие здесь люди уехали впопыхах, на полу лежали сумки с клубками из вещей, один открытый чемодан с бельём наружу и надувным матрасом: он был спущен и скручен в некое подобие свёрнутого одеяла. Пылинки летали в тусклом свете от почти полностью завешанного окна.

Спайк не удивился, если бы встретил здесь бездомного, забравшегося переночевать. Единственная проблема была одна: людей он не видел уже пару недель. Последний был мальчишка, в руках которого сверкала какая – то игрушка,

не то шаттл, не то звездолёт. На вид лет восемь, может все девять. Он споткнулся о разбросанный под окном мусор, тем и разбудил Спайка. Спайк высунулся в окно, потирая глаза костяшками пальцев. Мальчишка бежал вниз по кварталу. Следом за ним двигались чёрные тени. Двое или трое мертвецов, медленно переставляли ноги, противно шоркающие по асфальту. Сложно было разобрать, как выглядят группы, но кажется запах от гниющих тел поднялся даже сюда, внутрь комнаты, где устроил ночлег себе Спайк.

Они пробрели мимо, словно шайка местных запивох, которым тяжело было переставлять ноги.

Спайк вспомнил, как на той неделе кто-то сначала стучался, но не дождавшись ответа, стал ломиться в дверь.

Спайк оборудовал дверь двумя латунными задвижками, одним замком на ключ изнутри, на уровне глаз (замок был на этом месте, когда он пришёл, остальное он прикрутил сам, сняв с соседней двери) и цепочкой, тонкой, но на ощупь прочной.

Спайк не ответил незнакомцу. Неизвестный снаружи просил его впустить. Стучал в дверь. Дрожащий голос загнанного человека.

– Есть кто живой? Эй! Прошу, впустите! Я знаю, что вы там! Я слышу ваше дыхание!

Спайк подошёл к двери своего убежища, глянул сначала, что задвижки продеты в отверстия, а потом уже прислонился к глазку.

На площадке стоял мужчина. Полысевший, на вид потрёпанный. Он был босиком, один рукав некогда белой рубахи отсутствовал, вместо него болтались лоскуты ткани. Штаны обычные, кажется, в грязи, трудно было разобрать.

– Они идут за мной! – замолил незнакомец с той стороны. – Прошу вас...

Когда незнакомец вновь забарабанил в дверь, Спайк разглядел большую кровоточащую рану на запястье руки. Кажется, это был укус, красная окружность со следами зубов.

Значит инфицирован, пронеслось в голове у Спайка.

Он изначально не думал впускать мужчину, а сейчас и во все отпрянул от двери. Единственное, что он понял, что все-таки дверь не такая прочная, как казалась сперва.

Нужно будет заколотить её досками. Не так, чтобы потом не выйти, а так, чтобы укрепить само полотно. В итоге он это потом и сделает.

– Впустите меня! – безумно вопил незнакомец. Теперь он в панике долбился в соседнюю дверь, рядом.

Шум их привлекает, мужик.

Спайк запер ту дверь, у него были от неё ключи.

Где-то две недели назад, до эпидемии, он услышал жуткий хлопок, оторвался от компьютера и направился тогда к источнику звука. Кажется, хлопок был в соседней квартире. Спайк постучал в дверь, но ему никто не ответил.

Здесь жил Гарри, работавший на доставке пиццы. Бывало, когда заказчики давали отбой, Гарри угощал соседа «пеппе-

рони» или «гавайской».

Соседом его являлся как раз Спайк.

Квартира Спайка была через одну дверь, тогда он ещё не перекочевал в эту комнату, ставшую ему убежищем до сегодня.

Гарри кажется не было дома.

Спайк постучал ещё и заметил щель в двери: она была не заперта. Он приоткрыл легонько дверь, зовя хозяина квартиры по имени, но тот не отзывался. Запах пороха витал в прихожей. Брошенные ботинки Гарри напоминали лягушек, замерших на полу. В свете лампы на столе, единственного источника света (жалюзи были опущены), он разглядел своего соседа. Часть черепа отсутствовала, в одной руке, согнувшись сидя на стуле, Гарри всё ещё сжимал пистолет девятого калибра. Он вышиб себе мозги.

Сама картина до ужаса напугала Спайка, но больше всего его поразил укус на шее, огромный, будто тигр или ещё какой хищник нанесли это жуткое увечье, вырвав кусок плоти.

Дверь позади скрипнула, это поднялся консьерж, видимо тоже услышав выстрел. Свет ещё сильнее осветил комнату, когда тот попытался заглянуть в помещение.

Теперь Спайк разглядел, что Гарри был совсем ногой, сидел обнажённый на стуле. Спайк увидел на коже мёртвого соседа вздувшиеся волдыри, жёлтые, чёрные, разных размеров. Они опоясывали всё тело, были на ногах, руках. Вздутые шишки с неизвестной субстанцией росли по всему телу

Гарри, словно его поразила чума.

Кажется, даже сейчас, Спайку почудилось, что они, эти жуткие подобиya прыщей, еле заметно двигаются, пульсируют.

Они пульсируют почти на каждом, кого он видел. На телах тех, кого все СМИ прозвали «заражёнными».

– Что здесь случилось? – раздался позади голос консьержа, старого мужчины, чью голову венчала седина, и он чаще передвигался с тростью, чем без неё. Спайк сколько жил здесь, имени его так и не знал.

– Самоубийство, – сглотнул ком в горле Спайк. – Звоните в полицию.

Консьерж выглянул из-за плеча Спайка, словно, не поверив в его слова. Спайк сам не верил, но только не в слова, а в представшую его взору картину, в соседской квартире, куда он забрёл.

Спайк вспомнил, как тогда приехали не только полицейские, были ещё люди в жёлтых костюмах химзащиты, в противогазах. Они попросили всех соседей, включая и самого Спайка, оставаться в своих квартирах и пока что никуда не выходить из дома.

Он так и сделал, вернулся к себе и запер дверь. Отсюда можно было услышать диалог за стеной, шумоизоляция была в их доме так себе.

Спайк тогда слышал через стену едва различимую речь этих людей, неизвестно к какой структуре принадлежащих.

У них в руках он видел и счётчик Гейгера, и ещё различные непонятные приبلуды с маленькими дисплеями.

Спайк подумал, что они возможно учёные, полицейские их вызвали, когда увидели то, чем покрылась кожа Гарри.

Это же ненормально? Грибок? Что это такое?

– Это уже десятый случай, зафиксированный в индустриальном районе.

– Вспышка. Чёрт бы побрал это всё. Как бы не распространилось дальше, – отозвался второй учёный.

– Сейчас в мешок уберём, главное перчатки не снимай, прикасаясь. Эта мерзость лопается и так и хочет угодить тебе на кожу. Внимательней, хорошо? – сказал первый учёный своему напарнику.

Больше ничего Спайк не слышал. Через минуту до него донеслась какая-то возня на площадке. Он глянул в глазок, как сейчас.

Ребята в костюмах химзащиты упаковали Гарри, так как упаковывал Спайк свои обеды, обматывая плёнку слоями, собирая их на работу в пластиковые контейнеры.

Тело лежало в прозрачном подобие целлофана, от соприкосновения с которым на коже мёртвого соседа полопались все волдыри. Жёлтая жидкость, очень похожая на гной, заполнила весь пакет. Парни в коридоре застегнули чёрный длинный мешок надев его поверх тела на молнии, а потом положили упакованное тело на носилки, которые притащили полицейские. На лицах служителей закона сейчас уже бы-

ли одеты маски, белые, закрывающие рот и нос. Потом тело Гарри унесли, а квартиру полицейские запечатали. Буквально через полчаса на площадке не было ни одной живой души. Будто ничего и не происходило.

Спайк сделал себе растворимого кофе, размешав в холодной воде, и вспоминал, о чём последний раз говорил с соседом, покончившим с собой.

Вспомнил.

Гарри говорил, что почти накопил на яхту. Спайк ещё вспомнил, что Гарри был почти без пяти минут счастлив, что он рассказывал, что так близок к своей мечте, как сейчас, он не был никогда.

И зачем было себя убивать?

Его кто-то укусил. Ты видел эти волдыри.

Спайк вспомнил тот страшный укус в области шеи. Слепок от зубов какого-то хищника. И чуть позже он увидел такой же укус у парня, долбящегося во все двери на четвёртом этаже его жилого дома. Только кровавый отпечаток зубов у незнакомца был гораздо меньше, будто его сделал кто-то вовсе небольшой.

Ребёнок?

Спайк отошел от глазка, как тогда, когда унесли тело Гарри.

Мужчина ломился теперь в его старую квартиру. Ему всё-таки удалось вынести дверь, приложившись с разбега плечом, хотя, если вспомнить, Спайк и не старался её особо за-

пирать. Один поворот ключа, всего-то!

Замок был там слабый, но не это была основная причина, по которой он покинул эту квартиру «воспоминаний». Она была для него и остаётся как реквием по мечте.

Место несбывшихся надежд и иллюзий.

Мужчина тогда скрылся в глубине комнаты. Дверь приоткрыл, но полностью запереть он бы её не смог, так как замок он выбил и тот лежал поверженный на бетонном полу.

Спайк бы на его месте подвинул комод, заблокировал вход. Но мужчина этого не сделал, и вскоре об этом пожалел.

Зря он так шумел, подумал тогда Спайк, и оказался прав.

На шум пришли эти твари. Двое.

Первый возник с лестничной площадки, передвигался быстро. Спайк смотрел в глазок. Он мог бы предупредить человека, который сейчас пребывал в его бывших апартаментах, но смысл, если тот был заражён?

Заражен значит мёртв.

Он уже не жилец.

Тогда Спайк видел, как костлявые ноги, через кожу которых просвечивались сухожилия, направились прямо к двери, за которой исчез мужчина с залысиной.

Спина у мертвеца покрыта коростами, усыпана волдырями, руки непослушно болтаются будто у марионетки. Челюсть клацает и висит на черепе на лоскуте кожи. Ощущение такое, что этот мертвец только что вылез из могилы, в которой провёл не одну тройку лет, успев подразложиться.

Сгнить.

Мертвец ударился со всей дури головой в незапертую дверь. Незапертую, потому что отсутствовал замок.

Как можно было её не запереть? Как?!

На полотне осталось жёлтое пятно с кровоподтеками. Жёлтое, потому, что на коже, которая сгнила и обтягивала череп, остались волдыри, лопнувшие как арбуз от удара об полотно. Дверь ушла внутрь, и мертвец последовал за ней следом.

Спайк услышал тогда лишь сдавленный отчаянный крик. На этот крик со стороны лестницы пришёл ещё один труп.

Этот был в костюме-тройке, чёрном, как сама смерть. Белые зрачки в ямах вместо глаз. Живот распорот в области паха, может выше. Внутренности волочатся по полу следом за их владельцем. Спайк тогда узнал этого парня. Это был сменщик того старика консьержа, который пришёл на хлопок в квартире Гарри. Звали его Чет, и Чет тоже был по-видимому давно инфицирован, и ещё, по внешнему виду сложилось впечатление, что он полежал пузом на циркулярной пиле.

Чет тоже пропал в комнате, где скрылся сперва неизвестный, а следом разложившийся мертвец. Всё смолкло, будто все войдя в комнату, сели в поезд, и он их умчал в неизвестном направлении.

Спайк тогда уснул, хотя выпил столько кофе, что должен был быть бодрым, активным, а не выбившимся из сил, слов-

но после изнурительной работы.

На следующий день мертвецы ушли.

Он кинул в проём от приоткрытой двери пустую банку из-под консервов, и та громко ударилась об бетонный пол четвёртого этажа.

Шум привлекает этих тварей.

Но на шум никто не пришёл. Из комнаты никто не вышел. Мертвецы ушли.

Сейчас же он спокоен, если в умирающем мире вообще можно быть таковым. *Спокойным.*

Скорее «покойным», подумал Спайк и улыбнулся, оголив зубы.

Он побрёл к зеркалу.

На полу не было ни вещей предыдущих жильцов, ни мусора. Он тут прибрался, днём, не тратя свечей, которые он выудил из праздничного торта на столе. Кому-то исполнилось двадцать.

Торт прокис и над ним кружили мухи.

Сейчас в зеркале на него смотрел незнакомец. Обрюзглый, заросший щетиной. Глаза шальные, будто под наркотой, которую он никогда не пробовал, но видал, как на железнодорожной улице толпятся наркоманы, этакие зомби без будущего, которых сейчас сменили настоящие мертвецы.

Двадцать лет было парнишке, имени которого он не знал, они один раз столкнулись при выходе из дома. Он жил в этой квартире. Он переехал с семьёй сюда за пару дней до вспых-

нувшей эпидемии, с женой и двумя мальчишками, лет шести. Теперь Спайк не знал, где они, и, возможно, их уже нет на этом свете. Никого.

Спайк считал, что они бы не стали злиться, что он теперь живёт в их квартире. Теперь все вещи в мире обесценились. Все, кроме еды. И оружия.

Спайк жалел, что тогда не забрал пистолет у Гарри. Жалел, но знал, что не мог его присвоить себе, потому, что оружие было предметом самоубийства. Это он прекрасно понимал, но всё равно мечтал о стволе, с которым чувствовал бы себя гораздо защищённым, чем сейчас.

Сейчас у него есть лишь кухонный нож, да молоток. Лучшее, чем ничего.

Спайк присел на диван, смотря на кофейный столик, где, когда-то стояла птичья клетка. В эту квартиру из своей он притащил лишь постельное бельё и свою одежду. Из запасов еды, что раньше хранились у него дома, всё было съедено.

Электричество выключили пару дней назад. Что бы это значило? Спайк думал, что точно ничего хорошего.

Выглянул через жалюзи в переулок, куда выходили окна. Кровь на асфальте. Брошенный автомобиль, въехавший в мусорные баки, дверь распахнута. Он помнил, что фары машины горели, а сейчас нет: видимо аккумулятор сел.

К слову об аккумуляторе. Заряд на телефоне, как он помнил, находился на 46 процентах, он вырубил смартфон до лучших времён, потому что это было единственное, что

ещё как – то связывало его с внешним миром. Он сохранил видео новостей.

Пересмотреть надо, подумал Спайк.

Хоть что-то приведёт его в чувство от накатившей безысходности.

Всем, кому раньше он звонил, были или недоступны, или не отвечали на звонки.

Или отправились к праотцам.

Последний раз он звонил брату дней десять назад, и кто-то тогда даже взял трубку. Спайк обрадовался, но, видимо, поспешил. По ту сторону линии раздались лишь жуткие чавкающие звуки, звуки хруста костей. Будто чёртов мертвец на том конце провода нечаянно нажал на кнопку ответа во время кровавого пиршества. Это было на второй день начала эпидемии.

Отец с матерью звонили ему последний раз неделю назад, и он на всякий случай с ними простился.

– Приезжай к нам, – говорил отец. – У нас есть еда, вода. Работает генератор. Мы же за городом, здесь их меньше. Здесь мы протянем гораздо дольше, тем более находясь все вместе, сынок.

– Если раздобуду машину, – соврал Спайк. Он боялся до жути покидать своё нынешнее убежище. – Береги маму.

Больше отца он не слышал. Он звонил и ему, и матери, спустя некоторое время, но голос робота отвечал, что абонент вне зоны действия сети. Возможно у родителей сел мо-

бильный.

Они мертвы, идиот.

Спайк включил телефон. Ни смс о пропущенных вызовах, ничего. Сеть работает, а интернет нет. Ничего нового. Он скользнул пальцем по сенсору и запустил в темноте комнаты видео, сохраненное на телефон.

Женщина с усталым лицом по ту сторону экрана:

– Жители нашего города! Запритесь дома, никуда не выходите! Забаррикадируйте окна и двери. Уверяю вас, это для вашей же безопасности.

Оператор с камерой взял немного влево и глазам Спайка открылась картина с сотнями чёрных мешков, уложенных штабелями прямо на городской площади какого-то городка. Такие же мешки, как в том, в котором унесли беднягу Гарри.

Женщина продолжила, не уходя из кадра:

– Мы не знаем, как происходит процесс передачи вируса, но один способ заражения известен! Это непосредственный контакт с инфицированным. Через кислород вирус не передается! Проверено! Что по поводу заражённых, они очень агрессивны.

На заднем плане появляются «учёные» в жёлтых комбинезонах и масках. Подъезжает грузовик, и они забрасывают в него мешки с трупами.

– Будьте осторожны, – повторят женщина, – все заражённые очень опасны. Вакцины от этой болезни нет. Летальный исход возникает очень быстро. Живой человек превращает-

ся в мёртвого за сутки. Жители нашего города и близлежащих районов. Это не проверка! Опасность реальна и...

Видео оканчивается. Спайк смотрит на заряд в верхнем углу экрана: 45 процентов.

Он заходит в сохранённые контакты и набирает номер отца. Абонент не доступен, как и прежде. Мама тоже.

Листает дальше. Брат. Он нажимает вызов. В ответ тоже, что и при вызове отца.

Почему ты сразу не рванул к отцу?

Ладно, ты знаешь, что до них ехать далеко, около сотни километров. А к брату? Его дом же ближе, чем живут родители, но ты же его любил...

Не надо думать о нём в прошедшем времени, одергивает сам себя Спайк.

Вновь выглядывает в окно. Пусто как на кладбище. Тихо. Солнце садится.

Он видит, что дверь автомобиля кто-то захлопнул. Присматривается.

Когда это произошло?

Чёрт! Надо сперва выключить мобильный.

Спайк выключает телефон, чтобы сбереечь оставшийся заряд. Потом вновь присматривается через опущенные жалюзи. Дверь закрыта. Он видит через заднее стекло кого-то внутри.

Человек? Или это ребёнок, чёрт побери?

Может ему кажется?

Он видит какую-то возню в салоне, но не может разобрать кто-там. Одно он знает точно – в машине кто-то есть. Кто-то живой. И он прячется, как и Спайк. Прячется от ужасного мира, где шествуют мертвецы. Гнилые разложившиеся трупы с болтающимися кусками плоти из бранных тел, ищущие пропитание.

Забирающие живых в мир мёртвых.

Как это плохо, сидеть одному в темноте, в этой чёрной бетонной коробке. Видеть переплетение теней, гуляющих по комнате, от которых Спайк иногда шарахался. Иногда ему казались в темноте мерцающие глаза: он понимал, что это лишь плод воображения, но всё равно думал о смерти, о морщинистом теле, в которое он превратится.

Иногда ему чудились мертвецы. Точнее, их колеблющиеся тени, медленно крадущиеся из угла в угол. Скрипела где-то половица и Спайку казалось, что мёртвые пришли по его душу.

Ведь мёртвые же всегда тянутся к живым?

Спайк вспоминал, как в сети он читал мифы по поводу возникновения этого вируса, чёртовой панацеи, неизвестно насколько обширно распространившейся по городу, возможно по всей стране или по миру.

В одной статье была ссылка на какую-то богом забытую

деревню, где рухнул самолёт в озеро, находящееся неподалеку. Автор статьи приложил для подтверждения факта несколько снимков посредственного качества. На одном из них часть крыла выглядывает из воды, на другом – треснувшее стекло округлой кабины проглядывается через водную гладь. Всё бы ничего, самолёты падают по всему земному шару. Иногда. Иногда реже, иногда чаще, чем можно себе представить. Но дело в том, что самолёт перевозил какой-то неизвестный токсин. Все грузовые отсеки у него были заполнены этими бочками цвета мочи. И кое-что, что возможно и вызвало эпидемию: местные жители использовали воду для питья и приготовления пищи. Они, конечно, очищали её, возможно это и убивало микробов, которые бывают в водопроводной воде, но токсин, видимо, так и оставался в озере и, соответственно в воде, попадая в дальнейшем в желудки местным.

Эту статью быстро удалили, а жёлтые бочки с неизвестной субстанцией и вовсе канули в небытие. Скорее всего правительство просто замяло эту тему, которая при коротком времени публикации в сети, уже вызвала общественный резонанс и набрала миллионы просмотров.

Спайк думал лишь то, что возможно таким способом замалчивают техногенную войну.

А почему бы и нет?

Ни ракет, ни бомбёжек. Просто вирус, медленно, но верно влияющий на людей. Влияющий так, что онидохнут как

мухи, без единого выстрела, перед этим заражая остальных.

Удобно.

Как посадить в клетку с мышами змею. Медленно, но верно, она убьёт всех, а жертвам даже некуда будет сбежать. Так же и с городами. На первый взгляд масштаб свободы перемещения легко решить количеством обратившихся.

Спайк стоял перед дилеммой. Он думал выйти на улицу. Там ребёнок в машине, спрятался от гнилых мертвецов, ищущих пропитание.

Может это и не ребёнок, а мародёр...?

Он думал ещё о том, чтобы остаться дома, укутаться в одеяло и проспать как минимум до рассвета.

Зачем мертвецам есть, если они все равно подохли?

– Хороший вопрос, Спайки, – сказал он пустой комнате.

Время зажечь свечу.

Он представлял, как выходит наружу из многоквартирного дома и видит тусклый свет лишь на своём этаже, в его окне. Остальные все умерли, превратились или в еду для мёртвых, либо обратились и стали сами мёртвыми. Странными созданиями, которые бессмысленно волочили своё существование. Неизвестно зачем и для чего.

Как бы Спайк сейчас хотел включить и послушать музыку при свете свечи. Он любил «Дрим данс». В старой квартире он собрал целую коллекцию дисков, с надписями «Volum 1», «Volum 2» и так по цифровой возрастаемости. С появлением интернета диски потеряли свою значимость, так как любую

композицию он мог найти в пару кликов. А вот сейчас, когда мир рухнул (расплата за людские деяния, не иначе, иногда в его мозг закрадывались такие мысли), музыка на дисках, возможно, снова наберёт былую популярность.

Ага. Популярность среди мертвецов.

Эта мысль его насмешила, изо рта даже послышался смешок, но скорее он звучал как отчаяние. Звучал из уст человека, потерявшего вообще какой-то смысл существования.

Он опять припадает к окну, оттягивает жалюзи и смотрит на улицу.

В машине всё так же кто-то находится. Дверь заперта. Спайк понимал, что кто-то точно укрылся в автомобиле, пока он смотрел в телефон. Или гораздо раньше.

Но кто? А вдруг это Сэм? Его брат. Решил добратсья из другого конца города к нему. Такое ведь возможно?

– Нет, – отсёк он поток своих же мыслей.

Мы не очень-то ладили. Мы могли быть вместе только на расстоянии. Тогда действительно начинали скучать друг без друга. А живя вместе у нас были бесконечные перепалки, споры, драки. Один раз повздорили так, что разнимать пришлось отцу, опешившему на мгновение от увиденного.

Спайк посмотрел на свечку, которая сотлела наполовину.

Он не сводил взгляда с автомобиля. Никакого движения в салоне, только чёрная недвижимая тень внутри, которая может быть, чем угодно. Даже элементарно чемоданом или свёрнутым пледом.

Он уловил краем взгляда движение сбоку улицы, там, где поле зрения из данного окна заканчивалось.

По улице брёл мертвец.

Чёрный свитер казался натянутым на костлявое тело и на поминал мешок. Одна нога в кроссовке, другая босая. Брюки словно нашинковали на слайсере: были лишь одни лоскуты, едва сохранившие очертания первозданного вида вещи. Всё это держалось благодаря ремню на поясе. На черепушке мертвеца была какая-то чёрная блямба, будто кусок застывшей крови, только большой. Будто камень застрял в голове мёртвого.

Зомби доковылял до автомобиля. Остановился, наклонил голову, словно принюхиваясь. На затылке можно было разглядеть жёлтые волдыри.

Спайк за этим наблюдал. Он знал не понаслышке, что эти твари могут слышать биение сердца, если находятся рядом. И учуять будущую жертву по запаху. Хотя, возможно, это была лишь дезинформация по телевидению, которое сейчас замолчало.

Мертвец со всего маха ударился головой об стекло, потом повторил это действие вновь.

Заднее стекло автомобиля слегка прогнулось и покрылось мелкими трещинами.

Что-то отвалилось от головы мертвеца, когда он впечатался лбом в третий раз в одно и тоже место. Волдыри лопнули будто мыльные пузыри.

Спайк привстал, пытаясь разглядеть предмет. Чёрный сгусток, который он сперва принял за кровь, отвалился и лежал на асфальте. Это был утюг.

Мертвец не унимался. Выпучил костлявые руки, издали походя на прутья деревьев. Он нервно отковыривал стекло, не опасаясь пораниться. Он пытался пробраться в салон автомобиля.

Значит там, чёрт побери, кто-то живой. Далась бы эта машина ему просто так.

На звук недавних ударов пришла женщина.

Она едва двигалась на каблуках, покачиваясь как маятник. На плече висела сумочка. Платье колыhalось от каждого её неловкого движения. Лицо скрывала копна волос, но думаю, Спайк бы меньше всего хотел разглядывать остатки лица мертвечины.

Оказавшись у машины, она затарабанила по корпусу руками, словно судья выносящий вердикт своим миниатюрным молоточком.

Хватит сидеть, иди спаси ребенка, – твердил ему внутренний голос.

Может там и не ребёнок вовсе. Или заражённый человек, который потом передаст болезнь Спайку. Рисковать он не хотел.

– Трус, – подвёл итог внутренний голос.

Спайк отошёл от окна. Звуки об металл и стекло автомобиля всё равно были слышны, только стали приглушёнными.

ные. У него возникла идея, как заглянуть в автомобиль. Как остаться незамеченным, как пробраться мимо заражённых. И если действовать, то действовать нужно быстро. Шум привлекает этих тварей и вскоре под окном соберётся не двое, а целая орда.

Мысль, которая подняла адреналин в крови Спайка, была такова:

«Что если измазаться кровью мертвеца и пройти мимо них?»

На лице Спайка расцвела улыбка, обнажившая нечищенные давным-давно зубы.

Осталось только найти мертвеца. Или убить того, кто уже мёртв.

Спайк сунул в нагрудный карман нож, и взяв в руку молоток, решительно направился к выходу. Вернулся и задул свечу, которой осталось всего с пробку из-под кока-колы.

Держа оружие наготове, от тихо протиснулся на площадку. Заколоченные доски на дверном полотне противно за скрипели.

Спайк боялся выйти из убежища лишь потому, что прошлый раз он едва не заразился, контактируя с Гарри.

Последнюю неделю он безумно грезил кока-колой.

Да, звучит смешно, особенно когда на дворе апокалипсис. Но этот вкус, это пузырящийся чёрный напиток напоминал ему беззаботное детство, когда они с братом носились по парку, кидались яблоками в друг друга с местных дере-

вьев и всячески тратили энергию, быв непоседами.

Так вот. Спайк вчера спустился к автомату, где можно было набрать льда. Но лёд давно растаял, видимо тогда, когда электричество отключили. На улице, у входа в многоквартирный дом был небольшой ларёк, где маленький усатый мужик торговал крылышками гриль, закусками собственного приготовления, и ещё много чем, ароматно пахнущим. Выходя из дома, не позавтракав, люди сразу же становились его потенциальными клиентами, тем более еду он продавал и на вынос. Рядом с этим ларьком был установлен автомат, где можно было приобрести батончики и лимонад, скинув мелочь в прорезь на уровне глаз. Спайк скупил всю колу там, и когда она закончилась в автомате, он просто начал сходить с ума, потому что газировки не было у него дома.

Он так грезил кока-колой, что это было как наркотик, вызывающий зависимость. Спайк подумывал наведаться в местный торговый центр и посетить продуктовый магазин. Помимо колы, ясное дело, он бы захватил ещё что-нибудь съестное. В голову сразу запрыгнули мысли о чипсах, крекерах, наггетсах и еще о всякой нездоровой пище, которую он любил.

Спайк вчера выдвинулся засветло, предварительно взяв с собою нож, бутылку воды и связку ключей.

В этой связке было столько экземпляров, что он мог открыть почти любую дверь. Раньше он этим зарабатывал на жизнь: грабил обычные семьи, которые не в состоянии

были поставить сигнализацию, а ограничивались по старинке обычным замком. Спайк брал только деньги, выработав в себе принцип, не тащить какие-либо вещи из взломанных квартир. С любой аппаратурой, бытовой, видео-аудио техникой пришлось бы возиться, искать ломбарды или втюхивать местным скупщикам – так появлялась вероятность засветиться. Поэтому он придерживался одного правила: брать только деньги. Наличку.

Всё закончилось лишь тем, что он добрался до ларька, увидел, что в автомате ни батончиков, ни колы не прибавилось, мигом ретировался в своё убежище.

Сегодня была попытка номер два. Он взял теперь ещё молоток, помимо кухонного ножа.

Спайк спустился по лестнице, осматривая через пролёт этажи. Он хотел избежать неприятностей. Мертвецы становятся агрессивнее, когда видят живого. У них словно срабатывает где-то в их пустых мозгах-погремушках триггер – жажда человеческого мяса. Вгрызться в плоть и растерзать её – становится единственным смыслом существования для этих тварей.

На площадке пусто. Третий и второй этаж – никого.

В холле на первом тишина. Тоже никого.

Опрокинутый стол и разбитый горшок из-под растения, которое, лишившись земли, сохлось, и превратилось в гербарий.

Окно разбито, но стёкла всё ещё торчат как акульки зу-

бы из деревянной рамы. Реклама зубной пасты на огромном плакате, с фотографией, наверное, счастливой семьи. Лица у всех зацарапаны чем-то острым, остались только тела без голов.

Жуткая картина нынешней реальности.

Спайк прошёл сквозь длинный коридор в направлении выхода. Он вдруг вздрогнул, когда под ногой хрустнуло стекло. Бросился озираться, держа занесённый над плечом молоток. Потом понял, что здесь он один. Затворническая жизнь сделала его загнанным зверем, вздрагивающим при любом постороннем звуке.

Спайк открыл стеклянную дверь с непрозрачным стеклом и высунул голову на улицу.

Через дорогу виднелся торговый центр с красующимися буквами «Галактика», как и вчера. Слева горящая автозаправка, где как-то отец Спайка заправлялся, а сам Спайк сидел на пассажирском сидении. Вчера огня точно не было.

Сколько уже времени прошло? Год? Два?

Подземный гараж перед домом. Автоматическая дверь опущена. По правую руку можно разглядеть, среди многоэтажек, школу, окна которой чернели пустыми ямами. С последнего этажа дома напротив медленно валил едкий дым.

Пустующие машины на тротуаре. Одна машина, старый фورد, брошена прямо на проезжей части, двери нет, перед искорёжен.

Вчерашний день как во сне, будто сейчас он вышел на дру-

гую улицу, с схожими декорациями городской разлуки.

Спайк искал глазами мертвецов. Уловил движение.

Старик с иссохшим телом плёлся со стороны автозаправки. Кожа, да кости, тощий как удочка. Глаза пустые, челюсть открыта. Непонятно, как он вообще в состоянии передвигаться. С каждым его коротким шагом мышцы тянутся и сжимаются. Картина не из приятных.

Спайк понял, что он бредёт сюда, к нему.

Видимо заметил или учуял меня, – подумал он.

Спайк зажал в руках молоток, приготовившись к встрече. В любом случае ему бы пришлось искать мертвеца, для того, чтобы измазаться его внутренностями.

Мерзость.

Спайк думал о маскировке и этот тощий скелет был тут как раз подстать.

Спайк размышлял:

Если у этого существа хоть немного крови, либо какой-нибудь иной жидкости в таком худом теле? В теле мертвеца?

Раздался гул мотора, который стремительно нарастал. Спайк попятился к дому, оглядываясь, в поисках источника звука.

На дороге возник автомобиль.

Он нёсся так, словно водитель спешил на свадьбу или на похороны (явно свои, скорость была запредельная). Но больше удивило Спайка то, что кто-то основательно под-

готовился к апокалипсису – не то что он. Машина была вся с колёс до крыши заварена металлическими пластинами, и выглядела будто какой-то неведомый бронепоезд. Маленькая прорезь на месте лобового стекла, видимо сделанная для глаз, единственное, что давало ведущему обзор на дороге. И это было ещё не все причуды: на передний бампер было намотано столько колючей проволоки, что тот напоминал забор. Шипы торчали как зубы доисторического монстра.

Спайк не определил, с какой скоростью двигался автомобиль. Но она явно превышала сто километров. На дороге стоял покосившийся знак с ограничителем в 60 километров, но водителю броневедомобиля было явно плевать. О каком ограничении может идти речь, если вместо живых по городу бродят чёртовы мертвецы и питаются живой плотью?

Машина влетела как пуля в этого еле двигающегося зомби, и промчалась по дороге, даже ни капли не убавив скоростной пыл. Мертвец сделал сальто, налетев на металлическую пластину на капоте. Руки его дёрнулись вверх, как у марионетки. Ноги, в которые впиалась колючка, оторвало к чёртовой матери, и они проскользнули под днищем, Спайку они напомнили кегли из боулинга. Мертвец шлёпнулся на асфальт и черепушка, вмявшись, растеклась мозговой жидкостью по поверхности дороги. Ампутированные ноги валялись неподалеку.

Спайк хотел разглядеть водителя, автомобиль которого уже миновав кольцо, выезжал на стоящий вдалеке мост,

через минуту и подавно превратился в маленькую точку, но разглядеть ничего не получилось.

Спайк сделал пару шагов на дорогу, осматриваясь. Он знал, что шум мотора мог привлечь ещё мертвецов к его местоположению.

Но дорога пустовала. Он двинулся к остаткам сбитого зомби.

Картина напоминала тошнотворное месиво, которое Спайк часто видел в «дорожных войнах» по ящику. Когда время переваливало за полночь, эта передача как раз показывала нечто подобное: тела сбитых людей, людей едва выживших. Тех, кого искалечило так, после аварий, что они проведут не одну неделю в реанимации и на хирургическом столе.

Спайк зачерпнул руками мозги вперемешку с кровью и ещё какой-то белой субстанцией, похожей на молоко. Запах смерти, подумал он.

– Господи, что я делаю.

Спайк нанёс это всё на одежду, потом на лицо и тут его вырвало. Он зачерпнул ещё, перебарывая рвотные рефлексy. Теперь его с лёгкостью самого можно было принять за мертвяка, и вероятнее всего, парень (или девушка) за рулём броневика, и вероятнее всего, парень (или девушка) за рулём броневика, не задумываясь, если бы он оказался сейчас на дороге.

Спайк миновал одну полосу, озираясь, как загнанный зверь, затем другую. У края дороги лежало изуродованное

тело, на лице которого сидело несколько ворон. Они, увидев Спайка, встрепенулись, но не слетели. Злобно провожали измазанного мертвечиной парня.

Спайк наконец-то выбрался из дома. И его к этому побуждала явно не кока-кола.

Он на секунду помечтал, о том, чтобы оказаться за рулём той машины. Тогда бы он с лёгкостью добрался до родителей.

Единственное, чего он боялся, было то, что возможно уже поздно. Возможно, их уже нет в живых.

Одинокими вечерами он вспоминал, как прошло его детство, как они чаще всего ковырялись с отцом на огороде, далеко за городом. Они купили эту землю у какого-то запивохи, который даже на демонстрацию своих просторных имений, приехал еле держась на ногах. На земле был старый дом, на который рухнуло дерево в шторм, проломило черепицу. Балки просели и строение выглядело так, будто угодило под пресс. Но отца больше интересовала сама земля, а не то что было на ней. В общем запивоха продал свою землю за копейки, а родители были только рады. Бывали у них тяжёлые времена, когда они ругались так, что маленькому девятилетнему Спайку казалось, что они вскоре разведутся; больше всего его пугало, что перед ним поставят выбор, с кем он останется жить.

Он уважал отца, даже, наверное, любил, но, как и все мальчишки, никогда ему об этом не говорил, да и объятий у них никогда не было, отец просто трепал его за волосы или мог ущипнуть в шутку. С мамой всё было иначе, тогда он и жизни не представлял, не представлял ни дня без неё. Он мог ей пожаловаться, что его обижают в школе, он мог ей поплакаться, и раскрыться, и, она никогда, сколько Спайк себя помнил, не осуждала его. А обнимала и всячески подбадривала. Ласковая женщина, полная любви, которая лишь со временем стало более чёрствой. Спайк в глубине души винил за это отца, но никогда, упаси Господь, не говорил ему об этом.

Наверное, он боялся отца. Конечно, не сейчас, а много лет назад, когда ещё молоко на губах не обсохло, как люди говорят. Он удивлялся, каким странным, отстранённым существом становится человек, когда отдаляется от своей семьи.

У Спайка словно нависала туча над головой, когда он вспоминал, что нужно позвонить родителям, спросить, как они там, как дела. Но он будто опасался, что его осудят, что скажут: «мол тебе какое в общем то дело, если мы месяцами не слышим твоего голоса? Голоса сына, которого растили, кормили, и учили жизни».

«Я скучаю по родителям, но веду себя так, словно они умерли» – думал иногда Спайк.

Мысли о родителях воскресили в памяти воспоминания. Как они ездили всей семьёй на море, как вечерний бриз

игрался с волнами и с его волосами, когда он был ещё подростком. Брат носился по пляжу и собирал ракушки. Мама с папой в плетённых креслах потягивали напитки через соломинку и держались за руки, будто тридцать лет вместе для них ни значили ничего, они как наивные влюбленные, только начавшие строить отношения. Время только укрепило их совместную семейную жизнь.

Тогда будущее казалось безоблачным, а сейчас?

Сейчас Спайк, будто покойник, который едва подаёт признаки жизни, едва волочит своё существование, не особо отличаясь от мертвецов, снующих по городу, брёл в неизвестность.

Рука сжимала рукоять молотка так сильно, что он ослабил хватку, почувствовав, как пальцы онемели. Обвернув дом, едва не столкнулся с женщиной в колышающемся платье. Заметив, что та, стоит, покачиваясь и наблюдая за автомобилем, который Спайк видел из окна. Он присел, вжавшись спиной в стену. Из машины не исходило никаких звуков, поэтому обратившаяся потеряла к ней интерес. Хотя, если парень не остановился и привлёк бы внимание мёртвой – она бы не задумываясь вцепилась ему в шейную артерию.

– Иди сюда, сука, – прошептал Спайк, будто эти слова сразу ему добавили храбрости. И силы. Да, сила бы не помешала!

«Это не дрова тебе рубить» – думал он.

Даже не курицу разделывать.

Это как почти убить человека.

Она давно мертва. Посмотри на её ноги.

Спайк последовал за голосом в голове и переключился на конечности. Каким-то чудом эти кости с сухожилиями удерживали мёртвую в туфлях.

Спайк поднялся в полный рост, сделал пару шагов к шатающемуся телу и замахнулся молотком. Тыльной частью угодил прямо в затылок обратившейся. Раздался характерный хруст, и женщина рухнула навзничь, теперь уже навсегда.

Он вытащил молоток, стараясь не смотреть на сам процесс, потому что боёк провалился от удара внутрь черепной коробки.

Несколько волос осталось на молотке, и он нервно отбросил его в сторону, будто в руке оказалась гадюка.

Несколько секунд стоял, озираясь, осознавая, что убил мертвеца. Точнее не осознавая. Спайк поймал себя на мысли, что ничего не чувствует. Вообще ничего. Будто убил таракана. Кто вообще раскаивается, когда убивает насекомое?

Никто, чёрт побери!

Тут его мысли прервала возня в автомобиле. И он, вздрогнув, схватился вновь за рукоять молотка, схватил его с асфальта, как бездомный пёс хватает брошенную кем-то кость.

В машине точно кто-то был. Спайк был уверен на все сто.

Глава вторая

Калейдоскоп

Отец принёс поднос с жареными колбасками и поставил на стол.

Спайк и брат сидели за столом, накладывая картошку из глубокой миски, аккуратно размещая себе по тарелкам. Потом мама переняла картошку и положила немного себе.

Отец скрылся в доме, пока Спайк с братом разбирали колбасы, а вернулся уже в руках с банками пива. Холодные, они переключались ко Спайку, к брату, к маме.

Всё семейство собралось сегодня вечером, на свежем воздухе. Мама с папой в плетённых креслах, а он и брат на деревянных стульях.

– Ещё есть пиво, если что, ребят, – папа улыбнулся своей беззаботной улыбкой и вонзил зубья вилки в зажаренное мясо, при этом методично орудуя ножом.

– Хорошо, – кивнул брат, пригубив баночку пенного.

Спайку хорошо было здесь, спокойно.

Летняя веранда, загородный дом, и как на удивление – ни мошкары, ни назойливых комаров. Он устал от работы, поэтому приехал навестить родителей. Брат появился чуть позже, даже не позвонив перед прибытием. В отчем доме всё

равно гостям всегда рады. Отец даже может разжечь огонь, как стемнеется, развалиться на кресле с гитарой и бренчать так, пока не надоест. Когда Спайк был маленьким, ему казалось, что отец поёт как бог. Сейчас же, спустя столько лет, ему виделось, конечно, всё иначе. Но уважение к главе семейства не пропало, а наоборот. Он до сих пор знал, что, если бы отец пел где-то за пределами семьи, он бы стал больше, чем просто звезда. Помимо голоса с хрипотцой, он отлично управлялся с самой гитарой, и Спайк порой думал, что из отца вышел бы культовый кантри-певец. Ему даже как-то снилось, что отец зовёт его со сцены, и он, пробираясь через сотни фанатов и всплески аплодисментов, всё пытался добраться до подиума, но так и не смог. Этот сон часто преследовал его, пока он не начал глотать снотворное. Сейчас то чувство безысходности кануло во времени, но иногда, когда пальцы главы семейства проскальзывали меж струн, сон будто возвращался. Тревоги не было, нет. Было лишь чувство удовлетворения, что Спайку не придется пробираться через пучину рук, потому что отец сидел рядом.

Спайк глотнул светлого пива и смотрел на свою семью, беззаботно улыбаясь. В какой-то момент что-то плюхнулось прямо им во двор, отчего вся компания непроизвольно вздрогнула. Какой-то человек перемахнул прямо через деревянное ограждение и оказался на их участке. Отец с матерью встали и замерли, наблюдая, как тёмный силуэт вырастает из земли. На самом деле это был Эд, их сосед. Спайк с бра-

том тоже поднялись, забыв про пиво. Одежда на бывшем соседе была разодрана, будто тот только что побывал в схватке с медведем. Рот неестественно перекошен. Родители и двое сыновей застыли, пытаясь понять, что происходит.

– Эд? – спросил взволнованный отец возникшего внезапно соседа, который иногда к нему заживал на ужин с беременной женой. Сейчас же он выглядел так, будто только что выбрался из могилы. Или угодил в мясорубку.

Спайк только успел подумать, что лучше к этому Эду не подходить. Он чем-то болен, бешенством или ещё чем-то. Как в этот момент странный сосед рванул как пуля к ним – дикое, размахивающее руками пугало на фоне тёмного неба с точками блестящих звёзд. Лицо Эда превратилось в жуткую гримасу, маску безумца, заражённого бубонной чумой – чумой, которая уже пустила свои корни по всей коже, включая лицо.

Спайк схватил бутылку в ладонь, крутанул её на 360 градусов в руке и....

В тот вечер он едва ли смог уснуть. Когда в комнату вошёл отец и присел у кровати, как это часто он делал в детстве, Спайк лишь лихорадочно промолвил одно:

– Пап... я видел во сне, как мы все умерли.

В тот день и правда умер кое-кто.

Это был сосед родителей, парень по имени Эд. Спайк разбил ему череп и тот навзничь рухнул на подстриженный газон. Лицо его застыло навсегда в гримасе ужаса.

Так Спайк и его семья встретили первого обратившегося. Никто не знал тогда, что мир уже сдвинулся и начал катиться по наклонной.

В спокойное русло живущих семей начали приходиться обезумевшие твари.

* * * *

Спайк направился к машине, озираясь, пытаясь не пропустить любое движение в ближайшем переулке. Движение означало угрозу, и он не был уверен, что справится так легко, как с этой обратившейся в женском теле.

А если из темноты возникнут пара-тройка ходячих трупов?

Спайк периодически забывал, что он измазан мертвечиной. Сейчас он вновь себя одёрнул. Может поэтому та женщина, которой он засадил молоток в головёшку, даже не отреагировала на его присутствие?

Он думал о том, что тех мёртвых, кого он встречал, можно было разделить на несколько видов. Точнее, все, кого парень встретил, выглядели одинаково уродливо. Но одни были, будто подуставший путник, двигались медленно, едва волоча ноги, другие, будто выпили ящик энергетиков, неслись как обезумевшая курица, которой отсекли секунду назад голову.

Спайк открыл багажник, готовясь к любому исходу. Но,

то, что он увидел его поразило до глубины души. Маленький мальчик, лет пяти-шести, может совсем немного старше, лежал в обнимку с запаской. Одну руку он засунул в рот, вернее большой палец руки, как это делает младенец, когда его соску отбирают и он не находит ей замены. Второй конечностью он обнимал резину на протекторе. Два чёрных глаза уставились на Спайка. Удивительно, но ребёнок даже не шелохнулся! Будто боялся, что, едва двинувшись, он выдаст себя.

– Эй, малыш! – взволнованно сказал Спайк, глядя по сторонам. Сердце его бешено стучало в груди отбойным молотком.

Наверное, Спайк сейчас напоминал со стороны чёрную тень, помещённую в пятно живительного света. Чернильный силуэт в ночи, сутулый. Силуэт с зажатым в ладони молотком. И вся эта картина нависла над парнишкой, который нашёл укрытие в пыльном багажнике.

Ребёнок лежал без движения.

– Эй? – Спайк осторожно прикоснулся к босой ножке малыша.

Ребёнок вздрогнул и немного приподнялся, отчего глаза его сделались просто огромными для такой крошечной головы.

– Они ушли, дядь?

– Да, – немного растерялся Спайк. – Ушли.

Ребёнок выбрался из багажника и встал. Спайк попятил-

ся, дабы не мешать. Светлые волосы, взъерошены, слиплись, будто на них налили галлон мёда. Шортики и футболка, видимо впопыхах одетая задом наперёд. Босые ноги. Ребёнок наконец выудил палец изо рта и изучающе посмотрел на Спайка.

– Вы плохой дядя? – дрожащим голосом спросил он. Но не похоже, что ребёнок сильно боялся.

– Нет, я хороший! Я тебя не обижу, малыш. Где твои родители?

По щекам у малыша побежали крошечные ручейки слёз. Он потёр глаза, словно боялся, что дяденька его наругает, что он тут разревелся.

– Ну чего ты, не плачь, – Спайк не знал, как вести себя с детьми и всегда старался такого контакта избегать. В большинстве случаев, в прошлом, если какой-то малыш что-то спрашивал или вопросительно на него поглядывал, чаще всего Спайк отмалчивался. – Пойдём, малыш. Здесь оставаться нельзя.

Спайк протянул ему руку, а малыш, хоть и настороженно, протянул ему в ответ свою.

* * * *

Часы в коридоре показывали 6:20.

Тёмные тени гуляли повсюду, отбрасываемые от тусклых фонарей с улицы и просачиваясь сюда через незаметные ще-

ли помещения. Медленно подступала ночь.

В такое время лучше всего жарить на гриле сосиски и прикладываться к пиву помаленьку, расслабляясь где-нибудь на веранде в загородном домике.

Но Спайк понимал, что этому теперь не бывать.

Тихие, душевные дни теперь сошли на нет. Он конечно мог разжечь огонь, встать у гриля (Спайк был уверен, что чуть ли не у каждого за городом он имелся, и раздобыть бы его не составило и труда), но вот проблема в том, что готовить еду на свежем воздухе было равносильно хождению по тонкому канату, где малейшее движение приравнивалось к плачевному исходу.

Мертвецы идут на дым, идут на любые посторонние звуки.

Мальчик не отводил от Спайка глаз.

Здесь, в комнате парня, в которой они укрылись, свет был еле виден, а с улицы его совсем было не разглядеть. Тусклая лампа стояла на тумбе и в ней танцевал слегка размытый огонёк. Свечи Спайк сменил на лампу.

– У тебя есть укусы, порезы, ссадины, ранки? – спросил Спайк.

Мальчик отрицательно покачал головой. Потом будто что-то вспомнил и кивнул.

– Покажи, где.

Мальчик закатал штанину и чуть ниже колена расположилась царапина, которая покрылась коростой.

– Упал?

– Да.

– Болит?

– Вовсе нет. У вас есть что-нибудь из еды?

Спайк на мгновение задумался, потом кивнул.

Перенёс лампу в другой конец комнаты, там, где он прятал консервы. Открыл одну, дал мальчику. Тот не шелохнулся, только глянул на то, что дал ему новый знакомый.

– А, подожди, – Спайк достал из шкафа ложку, – совсем забыл, мы ж не в каменном веке, малыш.

– Я не малыш. – Мальчик уже лопал содержимое консервной банки, ложка постукивала по металлу.

– Как скажешь.

– Нет, правда, дяденька.

– Зови меня Спайк, – сказал в тишине комнаты парень: он уселся на матрас и наблюдал за маленьким гостем.

– Хорошо. Думаете мы раньше встречались с вами?

– Не понял, – слегка смутился Спайк. – Встречались ли мы с тобой?

– Да. Ну в городе. Я с мамой гулял. Или с папой играл. Может вы как-нибудь мимо проходили. Или вместе в кино ходили, только сидели на разных рядах. Или моя мама вас просила починить колесо у машины, а в это время на заднем сидении сидел я, только не как сейчас, поменьше.

– Думаю, что нет, – улыбнулся Спайк, сам того не осознавая. Мальчик был на редкость смышлённый для своего воз-

раста.

– У вас на телефоне есть какие-нибудь игры?

– Нет, – вздрогнул Спайк. Одна мысль остаться без телефона из-за разряженной батареи вызвала у него приступ тревоги, нахлынувшей волной.

– Жаль, – грустно сказал ребёнок. – Спасибо за это, – указал он на консервы.

– Пожалуйста. Знаешь, я собираюсь ехать к своим родителям. Хочешь, могу взять тебя с собой.

– А это далеко? – блеснули глаза мальчишки.

– Ну да, не близко. Я их давно не видел и на звонки они не отвечают.

– А если... – начал мальчик и тут же осёкся, будто сболтнул что-то непристойное.

– Я допускаю, что такое возможно, что их уже нет в живых. Но надеюсь на обратное, понимаешь?

Ребёнок кивнул.

– Нужно найти машину с полным баком и попробовать выехать за город, на автостраду, а там и рукой подать до нашего пункта назначения. Они живут у меня за городом.

– Что такое автострада? – взглянул исподлобья малыш.

– Большая дорога.

– А....

– Так ты со мной?

– Да.

– Не боишься?

– Ты же с мной будешь, ты меня защитишь?

– Я постараюсь, – на душе у Спайка заскребли кошки.

«Не давай обещаний, которые не сможешь выполнить» – прозвучал в голове голос отца: в голову полезли, словно пауки, жуткие образы, проникающие в сознание будто из какого-то адского портала.

Что может сделать ребёнок, чтобы противостоять мёртвым в одиночку?

Ничего, думал Спайк. Только убежать.

«А что могу я?» – размышлял он. – «Обороняться я смогу, от одного-двух отобьюсь, но что будет, если их будет целое полчище?»

Тогда ты сможешь спасти малыша? – раздался в подсознании вновь голос отца.

Спайка привело в чувство какая-то возня за дверью.

Мальчик испуганно посмотрел на него, потом попятился и присел, почти спрятавшись за спиной мужчины.

– Не бойся, маленький, – прошептал Спайк.

Возня продолжалась. Будто кто-то между пролётами волочил мешок с чем-то тяжёлым.

Спайк прокрался к входной двери и припал к глазку.

Двое неизвестных, облачённые в чёрные костюмы химзащиты, в респираторах на лицах, вскрывали дверь в конце длинного коридора. У одного был в руках ломик, он им орудовал, уткнув его между проёмом и полотном. Второй стоял на страже, в резиновых перчатках и аналогичном костю-

ме, как у напарника. В руках незнакомец сжимал автоматическую винтовку.

– Кто там? – спросил мальчик. Негромко, почти шёпотом, на кажется, что вооружённый человек услышал его и осёкся.

Спайк приложил указательный палец к носу, говорящий сам за себя: нужно быть тише. Ребёнок понял и забрался за матрас, так, что его совсем не стало видно.

Спайк не отрывал глаз от людей по ту сторону двери.

Первый, с ломиком, выломал дверь и пропал внутри комнаты, оставив на полу щепки и выкорчеванный замок.

Второй мародёр (Спайк не знал, как его иначе обозвать) медленными шагами направился к его квартире, винтовку он скинул на плечо, а дуло направил прямо в сторону парня.

Спайк в панике искал глазами что-нибудь потяжелее.

Печатная машинка – не пойдёт.

Нож в кухонном столе – слишком далеко и пока он его найдёт среди кипы вилок и ложек, будет уже возможно, поздно.

Может молоток? Он не мог вспомнить, куда его бросил, когда они с малышом вернулись в убежище.

В углу, немного заваленный вещами, стоял костыль. Глаза упали на него. Это была не его квартира и неизвестно откуда он тут взялся. Несколько раз, когда Спайк сюда перебирался, взгляд падал на эту крепкую, словно сделанную из слоновьей кости трость. И вот сейчас, он схватился за рукоять и замер в ожидании неизвестности. Никто не мог знать, как сейчас

будут развиваться события. Ни сам Спайк, ни мальчик, потерявший родителей, ни даже тот мародёр за запертой дверью.

Кажется, через полотно, Спайк почувствовал дыхание подошедшего незнакомца к порогу квартиры. Их отделяло расстояние меньше вытянутой руки. Дуло винтовки смотрело бы ему прямо в грудь, если бы не дверь.

– Есть кто живой? – обратился грубый голос к двери, за которой в помещении притаились мужчина с ребёнком.

Никто не ответил незваному гостю кроме тишины. Хотя где-то далеко было слышно, как его дружок-мародёр копошился в одной из пустующих квартир.

Мальчик высунул один, чёрный как ночь, глаз из-за матраса и тут же спрятался. Спайк вжался спиной в стену за дверью.

– Эй? – донеслось из коридора.

Спайк видел, что ручка нервно задёргалась. Незнакомец в респираторе проверял, закрыта ли квартира.

Закрыта. И ещё защёлка изнутри задвинута.

– Ты чего там? – раздался незнакомый голос издалека. Он принадлежал дружку мародёра.

– Иду, – отозвался незнакомец. Его голос прозвучал так близко, что Спайк невольно вздрогнул, но костыль не опустил. Он замер, как статуя, а его оружие обороны возвышалось над головой, словно меч, занесённый перед смертельным махом.

Шаги стали отдаляться и Спайк глубоко вдохнул живи-

тельный кислород, несмотря на то, что в комнате он был застоявшийся.

Мальчишка выбрался из-за матраса и прошептал:

– Ушли?

– Не знаю. Кажется, они в соседней квартире. Будь тише, малыш.

Мальчик хотел возразить, но не стал.

Где-то далеко слышалась возня: некто орудовал ломиком.

Есть ли смысл искать здесь что-нибудь кроме оружия и еды?

Спайк не видел смысла. Он чаще думал о том, что смысла даже жить не осталось. Вот что он думал.

– Что будем делать, когда плохие дяди уйдут? Поедем к вашим маме и папе? – шёпотом спросил мальчик.

Спайк кивнул. Он стоял у двери, а костыль всё ещё был зажат в руках, как бейсбольная бита перед ударом. Он не хотел выпускать его из рук.

Парень посмотрел в глазок. Виду его предстал пустынный коридор.

У двери, которую выломали люди в респираторах и костюмах химзащиты, стояла автоматическая винтовка. Дуло смотрело вверх.

Это ловушка, подумал Спайк и не ошибся.

Через пару минут из-за угла выглянул тот самый мародёр, который тёрся у их входной двери.

– Ага, умник, – подумал Спайк. – Ищи дурака.

Видимо вооружённый незнакомец планировал, что кто-то выйдет, увидев оружие, тогда он его и грохнет.

Спайк вновь припал к глазку.

Мародёр поправил маску респиратора и, озираясь, вскинул оружие на плечо, потом пропал в глубине комнаты, где вероятнее всего, всё ещё орудовал его напарник.

Малыш выбрался из-за матраса и комнатного хлама, медленно, на цыпочках, подошёл к Спайку и обнял его за шею. Спайк от неожиданности вздрогнул. Он пытался вспомнить, когда его последний раз кто-то обнимал, кто-то из детей, но на ум пришел только его младший брат, когда за окном громыхала молния и тот жался к нему со страху, пока непогода сходила на нет. Но это было так давно – такие старые и блеклые воспоминания, будто не из его жизни, а из чьей-то чужой.

Спайк сидел, вслушиваясь в тишину комнаты. Он чётко слышал своё дыхание и дыхание мальчишки. Даже возня в конце коридора умолкла, будто мародёры ушли восвояси.

Но страх с тишиной только усилился, Спайк боялся теперь не только за себя. Хотя где-то в глубине души, какой-то посторонний голос (он точно не принадлежал отцу) твердил ему одну и ту же фразу:

«Брось его, это обуза. Брось мальчишку, говорю. Оставь ему еды и иди».

Спайк представил родительский дом, где прожил столько лет. Он представил, что оставляет маленького брата на про-

извол судьбы. Но он же так никогда не делал, даже если ему хотелось убежать на улицу с ребятами-ровесниками.

Все размышления в одну секунду развеялись, как прах на ветру – этому поспособствовали резко нарастающие шаги к их убежищу.

Спайк нервно подскочил и указал рукой мальчишке, куда бежать. Он указал пальцем на матрас, а потом понял, что это было делать необязательно – ребёнок всё понял сам, уже закутываясь в матрас и близлежащие вещи.

Спайк вскинул костыль, но едва он это успел сделать, как дверь слетела с петель и плюхнулась с грохотом прямо на него. Парень попытался отскочить, но попятившись, потерял равновесие.

В грудь ему наставили дуло автоматической винтовки.

Мародёр в респираторе смотрел чёрными глазами-линзами на него. Это были глаза, несущие смерть, подумал Спайк и оказался прав – этот вооружённый человек напротив убил четверых. Одну женщину, одного подростка и пожилую пару, буквально накануне, выстрелил в них, даже не дрогнув.

Спайк был готов умереть, отдаться этому чувству, раствориться в вечности навсегда. Но он очень хотел знать ответ лишь на один вопрос, он хотел знать его прямо сейчас, до того, как пули прошьют ему тело. Спайк хотел знать, живы ли его старики. Его родители.

Ему казалось, да чёрт возьми, он был уверен, что они живы.

Если бы их вдруг не стало, он бы почувствовал, он бы понял. Ведь так же?

Или нет...

– На пол, сука! – заорал мародёр и маска от его слов задремезжала.

Спайк начал ложиться, пятясь. Костыль он не мог найти глазами, потому что выбитая и грохнувшаяся дверь его дезориентировала. Он отвёл взгляд в сторону, где последний раз видел мальчишку. Вдруг по затылку ему прилетело прикладом, словно наковальня свалилась на голову. Очень неприятное чувство. Больше ничего он не помнил, потому что его мозг выключил всё, что он хранил в голове. Хранил и знал.

Спайк оказался в родительском доме.

Он открыл сетчатую дверь и ступил на порог. Маленькая кукла, которую связала мама лет тридцать назад, теперь сидела на кресле в гостиной и безумно ему улыбалась.

Спайк сделал шаг, но нечто вдруг его переместило и усадило на кресло, напротив приоткрытого тряпичного рта куклы.

Это было нереально.

«Это сон» – пронеслось где-то в отдалении, в мозгу Спайка. – «Может я умер?»

– Всё хорошо, сынок, – сказала ему кукла: голос принадлежал маме.

– Мама?

– Нет. Ты не видишь, я не мама. – Кукла разговаривала

словно у него в мозгу, тряпичные губы её не двигались, она безжизненно сидела в кресле, будто манекен, обладающий лишь похожестью на внешность человека.

«Мне нужно проснуться», – подумал Спайк.

Срочно!

Тут он вспомнил беззащитного малыша. Спайк оставил его одного! Это и выдернуло его из мимолетного сна, из беспомощности. Из сна о странной кукле, говорящей маминым голосом.

Спайк лежал лицом на полу.

Он открыл глаза, но не шелохнулся. Несколько секунд, возможно даже минут, лежал, и, смотрел, как тоненькая струйка стекает у него из рта на линолеум. Кровь была тёмно-алой. Возможно, это освещение так меняло цвет. В итоге он медленно приподнял голову, приложив сперва немало усилий. Голова оказалась чугунной, колокольный звон в ушах. По ней будто шандарахнули чем-то очень тяжёлым – так оно по сути и было.

Значит его не застрелил тот урод с винтовкой наперевес.

Отлично.

Чудесно.

Х-о-р-о-ш-о!

В такие моменты Спайк размышлял, что если всех суицидников, пытающихся покончить с собой, ставить без их ведома между жизнью и смертью, то будьте мать его дери уверены на все сто – они начнут ценить жизнь!

Часы в коридоре показывали 7:20.

Час пролетел, как миг. Так бывает, не правда ли?

Спайк окликнул ребёнка:

– Малыш? Малыш?

Но никто не откликнулся.

Спайк поковылял к матрасу, но вдруг ноги подкосились, и он растянулся на полу, зубы во рту щёлкнули, как тиски.

Гул в голове, странный, несмолкающий, будто высоковольтные провода. Спайк приподнялся, перед глазами скакали чёрные точки, и ему почудилось, что он опять сейчас повалится на пол. Но нет, он удержался на ногах, ему правда пришлось немного прислониться к близлежащей стене. Потом он увидел костыль. Тот лежал рядом, у упавшего полотна – остатков входной двери. Спайк подтянул его ногой, приложив небольшие усилия. Потом опёрся на него, когда костыль угодил ему в руки.

Спайк понял, что черепушку ему снесли хорошенько. Состояние было как у пьяного: стоишь ровно, а тебя колбасит, будто ты угодил в центрифугу.

– Малыш? – вновь позвал Спайк, но голос свой не узнал. Будто из его уст говорил некто другой. Другой, грубый и с хриплым голосом.

Что-то зашуршало в коридоре, – там, где недавно орудовали мародёры.

Спайк, пытаясь удержать взгляд, смотрел в ожидании, в ожидании виновника звука.

Чёрное тельце вынырнуло из-за угла и метнулось в его сторону. Спайк сначала вздрогнул, думая, что это жирная уродливая крыса.

Потом сознание наконец пришло в себя, вернулось как запущенный в небо бумеранг.

Это была кошка, чёрная, с белыми пятнами.

Она беззаботно заглянула в комнату и сверкнула своими зелёными глазами. Беззвучно перешагнула через порог и прогулявшись по полотну двери, подошла к Спайку.

Парень смотрел на животное, не отрывая глаз. Кошка была сильно похожа на Китти – кошку родителей.

Кошка мурлыкнула и начала лизать руку Спайку.

Спайк смутился, а где-то в душе что-то кольнуло: он вспомнил как в детстве по случайности убил кошку, и сейчас, ему казалось, что это существо как раз пришло за ним, чтобы забрать его с собой. В ад.

Спайку казалось, что он умер.

Почему нет? Разве его положение сейчас не похоже на преисподнюю?

Спайк убрал руку от шершавого языка кошки и приподнялся. Гонг в голове слегка стих. Кошка прошлась по комнате, потеряв к нему интерес и улеглась на матрас.

Парень встал на колени, потом вытянулся во весь рост. Колени хрустнули, будто сухие ветки.

Спайк наблюдал за кошкой.

Она ещё раз мурлыкнула, глянув в его сторону.

Бледная рука вытянулась из-под матраса. Маленькие белые пальцы-косточки потянулись к кошке. Она слегка шелохнулась, почувствовав чьё-то присутствие совсем рядом.

«Она звала собаку, а прибежал волк» – вдруг пронеслось у Спайка в голове. Он так и не вспомнил, где слышал это выражение. Может быть в сказках, которые в детстве ему читала мать.

Из-под тряпья показалась голова ребёнка, но на его лице случились значительные изменения. Фатальные.

Во лбу зияло кровавое отверстие. И, походу, пуля, выпущенная в голову мальчишке, застряла где-то на подходе к мозгу. Может быть в черепной коробке, но это теперь было неважно.

Мародёры застрелили того, кого Спайк совсем недавно звал малышом. Может быть одного из них напугало нечто. Нечто, шелохнувшееся и притаивавшееся за тряпьем и матрасом, и он просто сделал несколько выстрелов в ту сторону, где прятался ребёнок?

Вероятно, так оно и произошло, но теперь это уже не имело никого значения, потому что «малыш» не умер. Он обратился.

Один глаз на его лице закатился куда-то вверх, будто увидел что-то, ползущее по люстре. Второй, налитый кровью, смотрел на животное, яростно и неумолимо.

Белые, как мел зубы, яростно вцепились кошке в загривок, и она закричала. Да! Да! Именно закричала, потому что

Спайк вздрогнул, услышав этот нечеловеческий вопль, будто его издал суккуб, которого скинули в кипящий котёл.

Из тела кошки хлынуло такое количество крови, что казалось, прорвало трубу, только вместо воды оттуда рвалась наружу алая жидкость.

Парень успел подумать, что видит невозможное – глаза не могут двигаться в диаметрально противоположных направлениях: хотя это утверждение справедливо только для здоровых людей, а мальчик был не только не здоров, он был мёртв.

Мёртв, как те люди, глядящие с круглых фотографий на него в тот день, когда Спайк был на кладбище, с родителями, вроде вначале осени. Это было лет пять назад, а может и все десять, но ощущение, что он стоит на земле, где в неглубоких могилах лежат тысячи трупов, прикрытых лишь плитами и надгробиями, вызывало непреодолимое чувство... страха, не иначе. Тогда он был молод, но мысли о том, что мертвецы выберутся из могил за ним не покидали его воспалённого мозга. Может быть это было навеяно ещё в ранние годы, отложено в его сознании. Ещё тогда, в далёком детстве, когда по ящику крутили «Ночь живых мертвецов», «Демоны» и «Рассвет мертвецов».

Отец всегда скептически относился к этим фильмам, и они его чаще смешили, а не пугали. Ну а что Спайк? Спайк боялся их до чёртиков.

Кто-то когда-то сказал, что наши детские страхи один раз

в жизни, да воплотятся в реальности. Неизвестно только, в какой именно ипостаси.

Ну а что происходит теперь?

Мертвецы поднялись после смерти и кошмарный сон превратился в явь.

Спайк отползал от жуткой картины, разворачивающейся перед его широко открытыми глазами.

Кошка перестала шевелиться, а ребёнок, выдернув из тела кровоточащий кусок, вдруг потерял к животному интерес. Неудивительно, ведь кошка умерла. А Спайк был жив, и мертвец чувствовал, чувствовал где-то внутри своего разлагающегося тела, тепло. Тепло, исходящее от этого святящегося силуэта в комнате. Силуэтом этим был Спайк.

Мертвец чувствовал, что в паре шагов от него бьётся жизнь, которую можно отнять, почувствовать её сладкий вкус.

– О, господи... – промолвил Спайк, даже не понимая, вслух он это сказал или слова лишь проскочили у него в голове.

Ему казалось, что он спит. Или не до конца проснулся. Он в душе не сомневался, что столкнётся с мёртвыми, которые не успели подрасти и пожить, но не надеялся, что так скоро.

Чавкающий звук раздался с противоположного конца комнаты и из-под матраса показалось белое, нереально белое, тело ребёнка. Он не встал в полный рост, а согнувшись, словно паук, перебирая руками, пополз в сторону растерян-

ного парня по имени Спайк.

Глаз мальчишки неизменно смотрел в потолок, второй выглядел как колба, наполненная чем-то тёмно-красным. Челюсть неестественно приоткрыта, и оттуда вытекает кровь. Волосы сальные, слипшиеся, странно проредевшие, будто зараза начала их вырывать, когда попала в организм.

Этакий маленький, сморщенный, уродливый старик, с кожей цвета муки.

Спайк вскинул костыль и махнул им наотмашь, в направлении приближающейся твари. Удар пришёлся мертвецу прямо по челюсти, и та, с хрустом отлетела в сторону. Теперь бывший ребёнок стал похож на череп, нанизанный на шпажку.

На секунду мертвец прервал движение, но невероятно быстро очухался, будто это была не часть лица, а просто ворсинка, которую кто-то убрал.

Спайк, поднялся и, опираясь на костыль, захромал к выходу, но сам того не ожидая споткнулся об упавшую дверь и чуть не растянувшись на полу, едва удержав равновесие. Опять!

Заражённому ребёнку хватило этого, чтобы оказаться на ноге своей жертвы.

Белые руки вцепились в штанину и Спайк заорал со страху. Уродливый мальчишка был фантастически быстр и силен.

Мертвец попытался вонзить оставшиеся зубы в тёплую

плоть, но тут же вновь схлопотал костылём по морде. Он отлетел как мячик и рухнул окончательно. Белые руки изогнулись, будто мертвец хотел за что-то зацепиться, но не успел. Лицо застыло в жуткой гримасе.

Спайк тяжело вздохнул.

На сердце был такой камень, такая тяжеленая ноша, будто он действительно осознано лишил жизни малыша, а не прикончил бледный труп.

Спайк дышал и дышал, хватая жадно пусть и спёртый воздух комнаты. Лёгкие никак не могли достаточно наполниться, потому что входящему потоку воздуха мешал ком, вставший в горле.

Проверил рукой, цел ли мобильник. Вроде цел.

Краем глаза он уловил какое-то движение позади себя, в длинном коридоре. Он подумал, что вернулись мародёры в респираторах и с оружием наперевес.

Спайк даже хотел, нет, не он, а нечто внутри. Нечто хотело закричать, вырваться сносящим потоком на этих бесчувственных ублюдков. Он хотел орать из последних сил.

За что вы убили ребёнка, подонки? За что, мать вашу? Отвечайте!

Но он так и не закричал.

Точнее, в душе этот крик и посейчас, но в том момент он не смог его выдавить из своих уст.

Он знал, что дети навсегда остаются маленькими, если умирают. И рано или поздно сгнивают окончательно, пре-

вращаются в карликовые скелеты. С мозгами-погремушками.

Мёртвые, но забывшие замереть...

Приближающие шаги привели Спайка в чувство. Реальность вернулась, и парень вышел из транса.

По коридору, шатаясь, хромая, волоча ноги, двигались мертвецы.

Их было десять, двадцать и... Спайк сбился.

Их было столько, что за новомодным гаджетом не встретишь такой очереди в день старта продаж. Их было очень, очень, очень много. И они двигались к концу коридора, где у выбитой двери стоял изумлённый Спайк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.